

Приговор

Его Родина-Мать жизнь свою Ей отдать попросила,
Всю ее посвятить, без остатка, служению Ей,
«Коль останешься жив, будет все хорошо» – говорила,
И он верно служил до последней минуты своей.

Но она, как назло, почему-то не стала последней,
Жизнью приговорен он свой срок до конца доживать.
«Будет все хорошо после заупокойной обедни,
Там всегда хорошо» – успокоила Родина-Мать.

«Ты же здесь не в аду, – Она молвила голосом Думы. –
Нас же не «шесть» «шесть» «шесть» – триста сорок один на сто пять.
Мы, как ангелы, здесь о тебе наши думаем думы,
Но не можем на эти проклятые кнопки не жать».

«Ты же здесь не в аду, – Она молвила голосом судий. –
Несмотря на снижение, увеличена ж плата тебе.
Как Апостолы мы, мы вершители всех ваших судеб.
Хоть нас и девятнадцать, но ты будь покорным судьбе.

Приговор наш всегда окончателен и необжалуем,
Приговор наш звучит, как посланье в счастливую жизнь.
Мы тебе этот пояс, не веревку ж колючую, жалуем,
Ты им только потуже, как будто ремнем, обвяжись».

Он стоял с этим поясом, словно со скользкой петлею:
«Что ж ты сделала с ними, любимая Родина-Мать?!»
И как будто звучал под нависшей над небом землею
Перевернутой фразой Ее приговор: «Расстрелять».

«Ты же здесь не в аду, – молвил вдруг за Нее Его голос.
Справедливый, как Бог, и как Бог, бесконечно один. –
Два процента тебе от меня в твой затянутый пояс,
Чуть побольше вдохи, ты же Родины-Матери сын».

И прощая их всех, он стакан до краев наливает,
За погибших ребят, за Великую Родину-Мать,
И как будто огонь, как тогда, на себя вызывает,
И как будто не хочет опять, как тогда, умирать.